

На правах рукописи

ЦЫРЕНОВ Бабасан Доржиевич

**СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ
СЕМАНТИЗАЦИИ В МОНГОЛОЯЗЫЧНО-РУССКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный консультант: **Шагдаров Лубсан Доржиевич**, доктор филологических наук

Официальные оппоненты: **Бурыкин Алексей Алексеевич**, доктор филологических наук, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН

Добродомов Игорь Георгиевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Института филологии ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Харанутова Дарима Шагдуровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»**

Защита состоится «24» октября 2017 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru/main/theses/tsyrenov>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук

Девяткина Екатерина Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Включение Монголии, а также таких субъектов Российской Федерации, как республики Бурятия и Калмыкия, в общемировой информационный, экономический, туристический обмен предполагает активное взаимодействие, которое невозможно без наличия качественных переводных словарей. Любая практическая деятельность с течением времени нуждается в теоретическом осмыслении, выявлении ошибочных тенденций и определении наиболее оптимальных путей дальнейшего развития. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что монголоязычная лексикография, будучи частью мировой, не становилась до сего времени предметом серьезных теоретических обобщений. В данной работе рассматривается история становления и развития монголоязычной лексикографии от самых истоков до современности, при этом основное внимание уделено анализу практики реализации лексикографических задач в современных монголоязычно-русских словарях, изданных со второй половины XX в. по настоящее время.

В качестве **объекта исследования** выступает монголоязычно-русская лексикография.

Предмет исследования составляют история монголоязычной лексикографии, типология и структура монголоязычно-русских словарей, а также особенности семантизации лексики.

Основной **целью** данной диссертационной работы является исследование теории и практики составления монголоязычно-русских словарей XX – начала XXI вв. с точки зрения их мега-, макро- и микроструктуры, особенностей и закономерностей принципов семантизации.

Поставленная в исследовании цель предполагает решение следующих **задач**:

- кратко описать историю монголоязычной лексикографии;
- выявить специфику мега-, макро- и микроструктуры монгольско-русских, бурятско-русских и калмыцко-русского словарей, изданных в XX – начале XXI вв.;
- изучить особенности макроструктуры: состав и принципы формирования словников; словарные представления различных типов лексики;
- выявить специфику микроструктуры монголоязычно-русских словарей: фонетической и грамматической характеристик, семантизации, филиации значений, системы лексикографических помет, иллюстраций.

Степень научной разработанности проблемы. Основу современной русской теоретической лексикографии заложил выдающийся лингвист акад.

Л. В. Щерба в своем труде «Опыт общей теории лексикографии», опубликованном в журнале «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» в 1940 г. Данная работа явилась итогом его плодотворной практической и теоретической работы в составе словарной комиссии АН СССР. Следом появлялись труды других исследователей: В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, Н. И. Фельдман, Ф. П. Филина, В. Г. Гака, О. С. Ахмановой, В. П. Беркова, Л. С. Ковтун, П. Н. Денисова, Ф. П. Сороколетова, Ю. Н. Караулова, Л. Л. Кутиной, В. В. Морковкина, С. В. Гринева и др.

Активизация деятельности теоретической лексикографии в стране в 1940-1950-х гг. привела к проведению регулярных специальных лексикографических конференций, совещаний и других научных мероприятий, к осознанию необходимости не только теоретического осмысления имеющегося опыта, но и определения новых ориентиров в развитии словарного дела. В 1950-1960-х гг. в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей (г. Москва) вышел целый ряд сборников научных статей под названием «Лексикографический сборник». Этот сборник стал дискуссионной площадкой и одновременно творческой лабораторией, где поднимались и обсуждались различные вопросы теории лексикографии. Они также стали и своеобразной школой для составителей и исследователей национальных словарей в стране.

Современное развитие русская лексикография получила в монографических (в том числе диссертационных) исследованиях и учебных пособиях В. В. Дубичинского, Э. Г. Шимчук, В. А. Козырева, В. Д. Черняк, Л. П. Ступина, О. М. Карповой и многих других. Последние два-три десятилетия ознаменовались новым всплеском интереса к теоретической лексикографии, который вылился в четыре с лишним сотни кандидатских и докторских диссертаций по общим и частным вопросам словарной теории. Как известно, в науке первоначально проблема разрабатывается в общем плане, далее, когда определены контуры, ее наиболее крупные, ключевые моменты, приходит черед исследований частного характера.

Закономерностью развития любой науки является образование каких-либо научных центров, школ. В этом плане развитие отечественной лексикографии может служить наглядной иллюстрацией. Практически в каждом крупном городе, вузе или академическом научном учреждении со сложившейся лингвистической традицией, не говоря уже о Москве и Санкт-Петербурге, возникли свои лексикографические школы, например, в Ивановском государственном университете (руководитель – О. М. Карпова), Курском государственном университете (фольклорная лексикография – А. Т. Хроленко), Томском государственном университете (диалектная),

Харьковском политехническом институте (Украина; В. В. Дубичинский) и ряде других.

Одной из первых дошедших до нас зарубежных работ по лексикографии является монография испанского исследователя Хулио Касареса «Введение в современную лексикографию» (1958). Эта книга стала первой переведенной с испанского языка работой по лингвистике. Монография Х. Касареса стоит в одном ряду со статьей Л. В. Щербы по цитируемости в работах лексикографов последующих лет. В настоящее время известно достаточно много работ зарубежных исследователей по лексикографии. Широкое распространение получили работы Б. А. Аткинса и Майкла Ранделла “The Oxford Guide to Practical Lexicography” (2008), Р. Р. К. Хартманна и др.

Крупнейшим трудом, обобщающим опыт практической тюркской лексикографии, стала монография А. А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей» (М., 1972). В этой книге автор подробнейшим образом исследует вопросы теории лексикографии на материале словарей тюркских языков, увидевших свет за более чем двести лет. «Принципы составления тюркско-русских словарей» стали первым обобщающим исследованием в Советском Союзе по национальным двуязычным словарям. Многие ученые, касающиеся в своих изысканиях проблем двуязычной лексикографии, в частности, национально-русской, используют эту работу как образец.

Краткой истории монгольской лексикографии (до 1990-х гг.) посвящена статья проф. Ц. Шагдарсурэна «Монгол толь бичгийн судлал (1990-ээд он хүртэлхи түүхэн тойм)». Статья соответствует своему названию: в ней приводится подробная классификация словарных изданий в целом и монгольских словарей, в частности. По его словам, народная революция, в результате которой была образована Монгольская Народная Республика, дала мощный толчок развитию словарного дела в Монголии. Об этом говорит, прежде всего, тот факт, что сразу после установления новой власти было принято постановление Правительства от 9 ноября 1921 г. о создании Института письменных памятников (Судар бичгийн хүрээлэн), в полномочия которого входило помимо всего прочего создание словарей монгольского языка.

В «Энциклопедии монголоведения. Лингвистика» [Mongyul sudulul..., 2004], изданной в Китае, имеется статья Цэцэнбаатара «Mongyul kelen-ü toli bičig-ün teiken toyimu» (История монгольской лексикографии) [Цэцэнбаатар, 2004, С. 473–476]. Эта работа в целом перекликается с работой Ц. Шагдарсурэна. Вместе с тем, ценность данной работе придает то, что в

ней дана историко-хронологическая периодизация монгольской лексикографии, основанная на исторических и лингвистических данных. Такая периодизация может быть использована при разработке проблем монгольской исторической лексикографии и лексикологии. Также представляет интерес типологическая классификация монгольских словарей, начиная с самых первых изданий (XIII в.) и заканчивая современными изданиями. Названные выше статьи заложили некоторую базу для исследований по монголоязычной лексикографии.

В то же время следует отметить, что труды монгольских ученых, посвященные лексикографии, в основном представляют собой описания словарей. Иными словами, в них подчеркиваются лишь положительные или отрицательные стороны тех или иных словарей, но остаются без внимания такие вопросы теоретического характера, как, например, проблема формирования словника, филиации значений полисемантического слова, семантизации заголовочной единицы (леммы, заглавного слова, «черного» слова и т.д.), вопросов толкования в толковых словарях, нахождения эквивалентов в переводных и многие другие, без решения и осмысления которых трудно представить поступательное развитие непосредственно практики, улучшения качества будущих словарей. Что же касается теоретической монголоведной лексикографии в России, то она находится лишь в стадии зарождения.

Методологическая база исследования. При рассмотрении общих теоретических лексикографических проблем мы опирались на теоретические положения, представленные в трудах таких ведущих российских и зарубежных лексикографов-теоретиков и практиков, как Э. Агрикола, М. Л. Апажев, Ю. Д. Апресян, В. Д. Аракин, О. С. Ахманова, А. М. Бабкин, В. П. Берков, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Г. В. Гак, А. С. Герд, Б. Ю. Городецкий, С. В. Гринев, П. Н. Денисов, В. В. Дубичинский, А. П. Евгеньева, Д. И. Ермолович, Л. Згуста, Ю. Н. Караулов, Х. Касарес, Л. С. Ковтун, Л. В. Копецкий, Л. П. Крысин, Л. В. Малаховский, М. В. Моисеев, В. В. Морковкин, С. И. Ожегов, Г. Ц. Пюрбеев, Г. Н. Скляревская, А. И. Смирницкий, Ф. П. Сороколетов, Л. П. Ступин, Р. Р. К. Хартманн, Ц. Б. Цыдендамбаев, Г. Цэцэгдарь, Цэцэнбаатар, Ц. Шагдарсурэн, К. А. Шарафутдинова, Н. Ю. Шведова, Э. Г. Шимчук, Л. В. Щерба, А. А. Юлдашев и др.

Выбор конкретных **методов** обусловлен спецификой предмета исследования и поставленными задачами. В работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза, лингвистические методы: историко-сравнительный, описательно-аналитический, сравнительно-

сопоставительный и статистический методы, методики атрибутивного и компонентного анализа, методики и приемы современной лексикографии.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в монголоведении и отечественной теоретической лексикографии исследуются структура и принципы семантизации монголоязычно-русских словарей; проведено системное научное описание мега-, макро- и микроструктуры данных словарей, выявлены особенности формирования словников, представления словарных и несловарных форм слова, диалектной, терминологической, ономастической лексики, сложных слов, конверсии в монгольско-русских, бурятско-русских и калмыцко-русском словарях. Описано разграничение полисемии и гомогенной омонимии на материале указанных словарей. На уровне микроструктуры словарей исследовано строение словарной статьи. В целом, данная диссертация – это первый опыт теоретического осмысления монголоязычной лексикографии.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке методологии изучения монголоязычно-русских словарей как единой системы, включающей в себя мега-, макро- и микроструктуру, выявлении и описании специфики представления в данных словарях лексики, филиации значений, лексикографических иллюстраций и т.д.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть применены в учебных курсах по истории, теории монголоязычной лексикографии, лексикологии, стилистике, грамматике монгольских языков, теории перевода, в практике составления словарей монгольских языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Монголоязычная лексикография имеет многовековую историю, в которой выделяются четыре хронологически неравных, но исторически обусловленных периода. Развитие монголоязычной лексикографии прошло длительный исторический путь, начиная от первых монгольско-китайских (китайско-монгольских), монгольско-маньчжурских (маньчжурско-монгольских) и тибетско-монгольских словарей. Каждый из видов и типов словарей представлял собой определенную ступень развития данной лексикографии: глоссарии, словари как учебники по изучению того или иного языка, толково-переводные и т.д.

2. Основу современной практической монголоязычно-русской лексикографии классического типа заложили российские монголоведы Я. И. Шмидт, О. М. Ковалевский и К. Ф. Голстунский, создавшие первые переводные словари с выходным языком – русским. В этих словарях предпринята первая попытка сопоставления лексической системы

монгольского языка с западными языками, в том числе с русским, решены определенные лексикографические проблемы и задачи.

3. Мега- и макроструктура переводных словарей данных языков имеет много общего и различается в деталях. Словари отличаются в объемах и способах представления лексики, разработки различных языковых вопросов в рамках словарного произведения.

4. В микроструктуре, составе словарной статьи, монголоязычно-русских словарей наблюдаются отличия, которые были обусловлены индивидуальным подходом авторов-составителей, конкретными историческими условиями.

5. В монголоязычно-русских словарях представлен богатый исторический материал по истории монголов, исторические экстралингвистические комментарии к заголовочным единицам, иллюстративным материалам в составе словарной статьи.

6. В монгольско-русских, бурятско-русских и калмыцко-русском словарях имеются различия в филиации значений, в представлении полисемии и гомогенной омонимии, безэквивалентной лексики, в системе лексикографических помет, объеме и качестве лексикографического иллюстративного материала.

Материалом для исследования послужили монгольско-русские, бурятско-русские и калмыцко-русский словари, опубликованные в XX – начале XXI вв.: Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / Ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – Т. I. – 502 с.; Т. II. – 536 с.; Т. III. – 440 с.; Т. IV. – 532 с.; Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М.: ГИИНС, 1957. – 716 с.; Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. – М.: ГИИНС, 1951. – 852 с.; Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.; Буряд-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. – Т. I. – Улан-Удэ, 2006. – 636 с.; Т. II. – Улан-Удэ, 2008. – 708 с.; Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Дополнительно привлекались русско-монголоязычные, толковые, терминологические и другие специальные словари монгольского, бурятского и калмыцкого языков. Также рассмотрены монгольско-русские словари XIX в.: Шмидт Я. И. Монгольско-немецко-российский словарь. – СПб., 1835. – 627 с.; Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х томах. – Т. I. – Казань, 1844. – С. 1-594; Т. II. – Казань, 1846. – С. 595-1545; Т. III. – Казань, 1844. – С. 1546-2690; Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. В 3-х

томах. – Т. I. – СПб., 1895. – 268 с.; Т. II. – СПб., 1894. – 462 с.; Т. III. – СПб., 1893. – 491 с.; том «Дополнения». – СПб., 1896. – 91 с.

Апробация работы. Результаты диссертации были представлены в докладах на международных научных конференциях в России, Монголии, Китае и Казахстане, всероссийских и региональных конференциях в 2010-2016 гг.: Международной научной конференции «Филология-XXI» (1.06.2010, Караганда, Казахстан); Международной научной конференции «Языки и письменные источники монгольских народов» (14-18.07.2010, Улан-Удэ); II Международной научно-теоретической конференции «Филология XXI» (04.04. 2011, Караганда, Казахстан); Международной научной конференции «Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства» (28-30.06.2011, Улан-Удэ); Международном симпозиуме «Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: диалог культур» (6-8.09.2011, Улан-Удэ); Международной конференции «Хэл зохиол судлал – Монгол толь бичиг судлал» («Филология – Монгольская лексикография») (20-24.12.2012, Улан-Батор); Международной научной конференции «Мир Центральной Азии», посв. 90-летию ИМБТ СО РАН (19-21.09.2012, Улан-Удэ); Международной научной конференции «Информационные технологии в лингвистике» (14-15.04.2012, Улан-Батор, Монголия); Международной научной конференции, посвященной 90-летию образования Республики Бурятия (30.05.2013, Улан-Удэ); Международном симпозиуме «Эпосы Центральной Азии-II» (5-7.09.2013, Улан-Батор, Монголия); Международном конгрессе «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (2-5.10.2013, Элиста); Всероссийской конференции «Традиционные культуры Сибири: языки, миф, фольклор» (16.10.2014, Улан-Удэ); Международном симпозиуме по монголоведным исследованиям (21-22.08.2015, г. Хух-Хото, КНР); Международной конференции, посв. 110-летию Б. Ринчена (3-5.12. 2015, Улан-Батор, Монголия); XI Международном Конгрессе монголоведов (15-18.08.2016, Улан-Батор); Всероссийской научной конференции «Ц. Б. Цыдендамбаев – выдающийся монголовед», посв. 100-летию д. филол. н., проф. Ц. Б. Цыдендамбаева (1915-1983) (18.06. 2015, г. Улан-Удэ); Республиканской конференции «Возрождение традиционных игр как способ сохранения культурного наследия» (22.05.2015 г. г. Улан-Удэ).

Публикации. Основные положения диссертационного исследования отражены в монографии «Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация)» (Улан-Удэ, 2013. – 208 с.), «Русско-латинско-бурятском словаре названий растений и животных» (в соавт.)

(Улан-Удэ, 2005. – 53 с.), 40 научных статьях, в том числе 15 научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК. Кроме того, автор диссертационного исследования является научным, ответственным редактором ряда крупных словарей бурятского языка: «Буряад арадай урданай һуудал байдалай тайлбари толи» (Толковый словарь традиционного быта бурят; Улан-Удэ, 2004. – 358 с.), двухтомного «Бурятско-русского словаря» (Т. I. – Улан-Удэ, 2006. – 636 с.; Т. II. – Улан-Удэ, 2008. – 708 с.), «Русско-бурятского словаря» (Улан-Удэ, 2008. – 904 с.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня сокращений и списка литературы, включающего 355 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее изученности, определяются объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, излагаются методологические основы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, основные положения, выносимые на защиту.

В **главе I «Теоретические предпосылки исследования иноязычно-русской лексикографии»** рассматриваются теоретические основы лексикографии, типология словарей и научная проблематика двуязычной (переводной) лексикографии.

1.1. Теоретические основания лексикографии. В данном разделе дано определение понятий «теоретическая лексикография» и «теория лексикографии». Лексикография в части практики составления словарей признается одной из самых древних отраслей филологии. Это касается, прежде всего, первых переводных словарей, которые, исходя из мифологии, могли бы начать создаваться сразу после так называемого Вавилонского столпотворения.

В. В. Морковкин в статье «Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» в качестве исходного пункта принимает известную интерпретацию понятия «теория лексикографии», «в соответствии с которой она включает в себя типологию словарей и учение о структуре и элементах словаря»¹. Он предлагает иерархически упорядоченную систему понятия «лексикография», выделив в ней два крупных раздела «теоретическая лексикография» и «практическая лексикография»: «0.0.

¹ Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ. 1.0. теоретическая лексикография; 1.1. теория лексикографии; <...> 1.2. история лексикографии; <...> 2.0. практическая лексикография; <...>»².

П. Н. Денисов дает определение рассматриваемого понятия в следующем виде: «Теория лексикографии представляет собой отличную от лексикологии, самостоятельную лингвистическую дисциплину, опирающуюся на историю лексикографии и на практику словарной работы»³. Развивая далее свою мысль, П. Н. Денисов расширяет суть теоретической лексикографии и склонен отделить историю лексикографии от ее теории. М. А. Бобунова склоняется к традиционному пониманию теории лексикографии⁴.

Авторы учебного пособия по лексикографии В. А. Козырев и В. Д. Черняк считают, что теоретическая лексикография «охватывает комплекс проблем, связанных с разработкой макроструктуры (отбор лексики, объем и характер словника, принципы расположения материала) и микроструктуры словаря (структура словарной статьи, типы словарных определений, соотношение разных видов информации о слове, типы языковых иллюстраций и т.п.), с созданием типологии словарей, историей лексикографии»⁵. В. В. Дубичинский не дает конкретного определения теории лексикографии, но вводит ключевое положение: «лексикография – это наука о создании, изучении и использовании словарей (scientia lexicographica)»⁶, которое подтверждается и другим его постулатом: «творческий научно-аналитический характер лексикографии обязывает нас сегодня рассматривать ее не только как искусство, науку прекрасного, но и как отдельную полноправную научную дисциплину»⁷. В. В. Дубичинский вполне справедливо полагает деление словарей на государственные и коммерческие, первые изначально не могут быть рыночно ориентированы, в то время как вторые создаются в ответ на спрос, существующий в данном конкретном обществе.

1.2. Типология словарей и лексикографическая параметризация. Каждый лексикограф-теоретик, как показывает практика, предлагает

² Там же, С. 41.

³ Денисов П. Н. О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии [Текст] / П. Н. Денисов // Вопросы языкознания. – №3, 1978. – С. 25.

⁴ Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: дис ... докт. филолог. наук: 10.02.01 / Бобунова Мария Александровна. – Курск, 2004а. – С. 11.

⁵ Козырев В. А. Русская лексикография: Пособие для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – С. 5-6.

⁶ Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие (для вузов) / В. В. Дубичинский. – М.: Наука, Флинта, 2009. – С. 8.

⁷ Там же, С. 11.

собственную классификационную систему словарей, основанную на различных категориальных признаках. Одним из первых типологию словарей предложил Л. В. Щерба. Известны также классификации словарей Х. Касареса (1958), С. И. Ожегова (1957), Л. Згусты (1971), В. В. Виноградова (1977), Б. Ю. Городецкого (1983), В. Г. Гака (1988), З. И. Комаровой (1991), В. В. Морковкина (1994), М. Л. Апажева (2005), В. В. Дубичинского (2009), О. М. Карповой (2010) и др.

П. Н. Денисов, касаясь проблемы типологии, пишет: «Типология словарей – это их научная классификация, основанная на понятии идеализированного типа словаря как инварианта, обусловленного четырьмя указанными выше системами координат. Классификация словарей – практическое систематизированное описание словарей и их жанров, сложившихся исторически в той или иной стране»⁸.

Во многих современных работах, которые так или иначе затрагивают словарную или лексикографическую типологию, редко упоминается типология А. М. Цывина⁹. Классификационная система А. М. Цывина построена на основе общих принципов теоретической классификации Л.В. Щербы. Словари подразделяются по восьми дифференциальным признакам (ДП), что «отвечает требованиям полноты, независимости, т.е. основным требованиям, предъявляемым к аксиоматическим дедуктивным системам»¹⁰. В данной классификации схемы (всего их восемь) строятся на основе двух необъясняемых элементарных единиц: заглавного словарного блока (ЗСБ) и разработки заглавного словарного блока (РАЗ).

Типология словарей, по В. В. Морковкину, представлена в следующей иерархически организованной системе: 1) лексические словари...; 2) словари сочетаемости...; 3) фразеологические словари...; 4) словари, объектом в которых служат простые единицы лексической системы; 5) лингвоцентрические и антропоцентрические словари; 6) аспектные и полиаспектные; 7) по способу обнаружения информации...; 8) словари рецептивного (пассивного), продуктивного (активного) и рецептивно-продуктивного типа; 9) диахронические и синхронические; 10) по характеру расположения языкового материала...; 11) по способу существования...; 12) независимые и инкорпорированные учебные словари; 13) книгопечатные и компьютерные словари. В. В. Дубичинский, проанализировав имеющиеся классификации, в том числе и классификацию А. М. Цывина, предложил основанную на множестве дифференцирующих признаков обобщающую

⁸ Денисов П.Н. Указ. соч. С. 26.

⁹ Цывин А.М. К вопросу о классификации русских словарей / А.М. Цывин // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 100-108.

¹⁰ Там же.

типологию существующих русских словарей, в которой выделил девять типов словарей.

Наиболее предпочтительной нам представляется более приемлемой классификация, предложенная А. М. Цывиным. Среди положительных ее моментов отметим иерархически построенную схему как основу классификации, принципиальную открытость, т.е. возможность продолжать деление разных видов на другие более мелкие подвиды, а также возможность по-новому конструировать предложенные схемы.

В типологиях словарей российских (советских) лексикографов, приведенных выше, не представлены электронные словари (кроме В. В. Морковкина). Б. Т. Аткинс и М. Ранделл рассматривают данный тип словарей в разделе «Носитель словаря», наряду с печатными и он-лайн (web-based) словарями¹¹. Весьма интересна типология словарей, представленная в «Оксфордском учебнике по практической лексикографии». Здесь применяется алгоритмический (формульный) принцип деления словарей по типам: 1. языки словаря...; 2. охват словаря...; 3. размер словаря ; 4. носитель словаря...; 5. организация словаря...; 6. язык пользователя...; 7. навыки пользователя...; 8. для чего пользователь использует словарь...¹².

В качестве одного из оснований для определения типологии словарей признается лексикографическая параметризация, под которой «понимается стремление современной науки о языке представить в форме словаря самые различные, а в идеале – все результаты лингвистических штудий, т.е. ословаривание лингвистических описаний»¹³. По мнению П. Н. Денисова, лексикографическая параметризация языка тяготеет к двум взаимоисключающим тенденциям – центростремительной и центробежной. В первом случае наблюдается стремление к созданию широкого круга однопараметровых словарей: словарей омонимов, паронимов, служебных морфем и т.п., а во втором – к концентрации максимального количества параметров в одном словаре. Ю. Н. Караулов выделяет 65 лексикографических параметров, в то время как П. Н. Денисов упоминает 70, из которых, по его словам, словари включают «чуть больше 30 (да и то часть из них в неполном объеме, например, сведения о парадигме словоизменения, словообразовательные сведения, сочетаемостные и др.).

1.3. Научная проблематика двуязычной (переводной) лексикографии. Проблемы двуязычной (переводной) лексикографии попали в поле зрения исследователей сравнительно недавно. Это направление

¹¹ Atkins B. T. S., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography [Текст] / B. T. S. Atkins, M. Rundell. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – p. 24.

¹² Atkins B. T. S., Rundell M. Указ. соч. С. 24-25.

¹³ Денисов П.Н. Указ. соч. С. 8

естественным образом выделилось из общей теории лексикографии. В этом отношении весьма плодотворным было обсуждение проблем лексикографии в «Лексикографическом сборнике», издававшемся Институтом языкознания АН СССР в 1950-1960 гг. В этих сборниках предполагалось обсуждение особенно существенных для лексикографической практики проблем. Первый выпуск сборника открывает статья, посвященная одной из проблем двуязычной лексикографии – проблема смысловой структуры слова в двуязычных словарях. В том же выпуске «Лексикографического сборника» опубликована статья А. К. Боровкова, в которой автор подчеркивает, что опыт лексикографии в составлении русско-национальных словарей чрезвычайно поучителен.

Одним из первых крупных исследований в данной области является монография А.А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей», которую автор представляет как «первое теоретическое обобщение накопленного более чем за двести лет огромного опыта составления тюркско-русских словарей»¹⁴. Тем временем, в аннотации монографии В. П. Беркова «Вопросы двуязычной лексикографии», вышедшей в свет в 1973 г., отмечено, что книга является первой попыткой теоретического осмысления и освещения сложных вопросов двуязычной лексикографии. В. П. Берков – один из немногих исследователей, кто последовательно работал над проблематикой двуязычных (переводных) словарей. В 1978 г. в Таллинне была издана еще одна его монография «Слово в двуязычном словаре» (1977). В ней автор подробно рассматривает способы представления слова в переводном словаре. В 2004 г. В.П. Берков опубликовал учебник «Двуязычная лексикография», который в определенной мере обобщил его исследовательскую деятельность в этой области.

В первой монографии В.П. Берков рассматривает теорию двуязычной лексикографии в неразрывной связи с теорией перевода: «Если объектом лингвистической теории перевода является описание перевода как процесса, то теорию двуязычной лексикографии правомерно рассматривать как такую часть теории перевода, которая исследует способы фиксации установленных и/или устанавливаемых эквивалентных отношений элементов лексики двух языков»¹⁵.

Проблемы теории двуязычной лексикографии в советском, российском языкознании начали широко обсуждаться во второй половине XX в. Дальнейшее развитие отечественной теоретической лексикографии пошло более интенсивно. Вслед за трудами по русской лексикографии стали

¹⁴ Юлдашев, 1972, С. 5.

¹⁵ Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии [Текст] / В. П. Берков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 192 с.

появляться работы по национальной лексикографии: в союзных республиках, а затем и в республиках РФ. В исследованиях подчеркивается, что опыт лексикографии в составлении национально-русских словарей, которые во многом имеют свои особенности, ставит ряд новых вопросов в области теории лексикографии.

В главе II «История монголоязычной лексикографии» представлены историко-хронологический обзор возникновения и развития монгольской лексикографии, описание общей структуры и структуры словарной статьи монгольско-русских словарей XIX в. и характеристика бурятской лексикографии, являющейся неотъемлемой частью общей монгольской лексикографии.

2.1. Историко-хронологическая характеристика монгольской лексикографии. Монгольские ученые склонны относить начало монгольской лексикографии к IV в. н.э. (Шагдарсурэн), монголоеды Китая ведут отсчет монгольской лексикографии с эпохи Чингисхана, т.е. XIII в. н.э. (Цэцэнбаатар). Последние выделяют в истории развития данной лексикографии четыре периода: I период: 2-я пол. XIII в. – нач. XVIII в.; II период: нач. XVIII в. – конец XIX в.; III период: 1-я пол. XX в.; VI период: 2-я пол. XX в. – настоящее время.

Первый период монголоязычной лексикографии характеризуется движением в двух направлениях: китайско-монгольские переводные словари типа «и-юй» и записи монгольских слов в виде глоссариев в арабской транслитерации в трудах авторов Среднего Востока. Первые словари типа «и-юй» представляют собой идеографические переводные словари. Одним из самых известных словарей второго направления является словарь «Мукаддимат-ал-Адаб», который включает более 3 тыс. монгольских слов. К этому же периоду относятся словарь Ибн-Муханны, Стамбульский словарь и Римский словарь.

Во втором периоде развитие шло по трем направлениям: 1) маньчжурско-монгольские и монгольско-маньчжурские словари Цинского периода; 2) тибетско-монгольские и санскритско-монгольские словари (глоссарии к буддийским текстам, переводные словари); 3) словари, созданные в странах Запада. Словари, относящиеся к первым двум направлениям, служили также и своеобразными учебными пособиями при изучении соответствующих языков в школах. Тибетско-монгольские словари имели несколько разновидностей: *даг-йиг*, *да-йиг*, *да-дол*, *дүймэн* и *гандил*. Первые два вида служили как учебниками правописания, так и собственно переводными словарями, *дүймэны* представляли собой тибетско-монгольские глоссарии к тому или иному религиозному сочинению, а близкие по содержанию *да-дол* и *гандил* – словари трудных, непонятных слов. Данные

словари, помимо толкования и перевода слов, содержали указание на произношение тибетских слов. Третье направление представлено «Ордосско-французским словарем» А. Мостэра и словарями Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского и К. Ф. Голстунского. На протяжении второго периода своего развития монгольская лексикография достигла значительных успехов – появились произведения, которые можно без сомнений отнести к словарям в полном смысле этого слова; получили распространение словари, как с идеографическим, так и алфавитным расположением словарного материала, появились толковые словари.

Согласно мнению авторов «Энциклопедии монголоведения», третий период развития монгольской лексикографии пришелся на первую половину XX в. Хотя, как признают сами авторы, у монголоведов еще нет единого мнения по этому поводу. В эти годы (начало XX в.), с падением Цинской (маньчжурской) династии в Китае перестают составляться маньчжурско-монгольские словари, на замену им приходят монгольско-китайские и китайско-монгольские словари. В Монголии в период становления ее независимости и особенно после народной революции издавалось большое количество толковых, переводных (большей частью – монгольско-русских, русско-монгольских), терминологических и других словарей.

Четвертый период характеризуется активным составлением различных типов и видов словарей в Монголии, монголоязычных регионах СССР – Калмыкии и Бурятии. С точки зрения современной науки, уровня развития технологий, можно обозначить пятый период развития монголоязычной лексикографии – период создания электронных (на CD и др. дисках) и онлайн словарей.

2.2. Монгольско-русские словари XIX в. Под таким общим названием объединены три крупнейших словаря монгольского языка XIX в.: «Монгольско-немецко-российский словарь»¹⁶ Я. И. Шмидта (СПб., 1835), трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского (1844-1849) и «Монгольско-русский словарь» К. Ф. Голстунского (1893-1895) в трех томах (с дополнениями к трем основным томам).

2.2.1. Общее описание словарей. «Монгольско-немецко-российский словарь» Я. И. Шмидта стал первым монгольским переводным словарем, изданным в России, основой словника которого послужило составленное по велению императора Канси «Манджурско-монгольское зеркало слов». Словарь Шмидта был издан в одном томе в Санкт-Петербурге полиграфическим способом, что значительно облегчает работу с ним. Кроме

¹⁶ Полное название в оригинале «Монгольско-немецко-российский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков».

этого достоинства, словарь Шмидта также примечателен тем, что в нем предусмотрены указатели русских и немецких слов, составленные автором со всей немецкой тщательностью. Каждая страница снабжена колонцифрой и колонтитулом над каждым столбцом, в котором даны первые слоги последнего заголовочного слова в столбце. В этом словаре также имеется оглавление по первым слогам заголовочной единицы.

Составлению *«Монгольско-русско-французского словаря»* О. М. Ковалевский посвятил пятнадцать лет. Этот словарь стал одной из целей его научной командировки в Азию. При составлении словаря он записывал живую речь монголов, выбирал слова из различных сочинений, а также пользовался изданными и еще остающимися в рукописях словарями монгольского языка разных авторов. Словарь Ковалевского состоит из трех томов общим объемом 2690 страниц формата А4. Первые два тома снабжены колонтитулом на старомонгольской письменности, а третий – на старомонгольской письменности, русском и французском языках, состоящим из первого слога первого слова столбца (напр., До ту, ду; tu, du).

Третий словарь из этой серии – *«Монгольско-русский словарь»* К. Ф. Голстунского – издан в трех томах с дополнениями литографическим способом, что ускорило и удешевило его издание. Данный словарь является двуязычным. К. Ф. Голстунский уже мог опираться на большой арсенал монгольских словарей, в том числе словари Шмидта и Ковалевского, а также китайский словарь о. Палладия и Попова и маньчжурский словарь Захарова¹⁷, которые он использовал для объяснения технических терминов, названий чинов, административных должностей и судебных учреждений. Общий объем словаря составил 1271 страницу.

2.2.2. Общая структура и структура словарной статьи. Структура данных словарей в целом сходна. В них присутствуют Введение или Предисловие, корпус словаря, содержащий словарные статьи, расположенные в алфавитном порядке (по алфавиту старомонгольской письменности), список использованных источников, как словарных, так и других жанров (письменные тексты, фольклорные издания и т.п.). Словарь Шмидта отличается от двух других тем, что в нем есть указатели немецких и русских слов, встречающихся в нем, благодаря чему он становится практически двусторонним.

Словарные статьи во всех трех словарях открываются заголовочными единицами, представляющими собой знаменательные и служебные слова.

¹⁷ Имеется в виду «Полный китайско-русский словарь» архимандрита Палладия (Кафарова) и Павла Попова (Пекин, 1888) и «Полный маньчжурско-русский словарь» И. Захарова (Типография Императорской академии наук, 1875. 1233 с.).

Заголовочная единица на старомонгольской письменности открывает словарную статью, справа от нее располагается зона перевода. Такое расположение заголовочной единицы (ЗЕ) было введено Я. И. Шмидтом. В итоге этот способ был признан наиболее удобным для чтения на монгольском языке, нахождения нужного слова по алфавиту. В качестве ЗЕ употреблены не только простые одинарные, но и сложные слова, напр.: *feeda Jigesoa* ‘название морской рыбы’. В словаре Ковалевского встречается подача двух-трех вариантов написания одного и того же слова. ЗЕ в этих словарях не снабжаются грамматическими и стилистическими пометами, изредка встречаются отсылочные пометы: «см.», «отъ», «вм.». Транскрипция чаще всего представлена демонстрацией способа чтения полифонических букв старомонгольского алфавита посредством соответствующей буквы в скобках, например: (*d*) или (*t*), (*o*) или (*y*) и т.д. При заимствованных словах даются их исконные эквиваленты на китайском, маньчжурском, тибетском языках или санскрите в словарях Шмидта и Ковалевского, в словаре Голстунского эквиваленты из китайского и маньчжурского языков даны в кириллической транскрипции, а санскритские – в латинской. Также в данном словаре встречаются калмыцкие написания общемонгольских слов.

В зоне перевода после собственно переводных эквивалентов представлены лексикографические иллюстрации, демонстрирующие употребление ЗЕ в окружении других слов, а также там, где это необходимо, ссылки на источники, из которых были извлечены слова или иллюстративные примеры. Филиация значений ЗЕ в словаре Шмидта не развита, в то время как в словарях Ковалевского и Голстунского в некоторых многозначных словах выделено от 2 до 4 значений, но слабо выделены омонимичные слова, имеющие различное написание, например: *foiloa ölin* ‘голодный’ и *foiloeit öling* ‘трава, осока’.

В целом, переводные словари монгольского языка, изданные в России в XIX в., отличались тщательной проработкой способов подачи материала и широким спектром лексикографических источников. Кроме того, они открыли направление – составление монголоязычно-русских словарей.

2.3. Историко-типологическая характеристика калмыцкой и бурятской лексикографии. Составление словарей калмыцкого и бурятского языков было начато в XVIII в. За более чем трехвековую историю в калмыцкой и бурятской лексикографии созданы такие типы словарей, как двуязычные словари (национально-русские и русско-национальные), трехязычный словарь («Калмыцко-монгольско-русский словарь»; сост. С. С. Харькова, Б. Э. Убушиева), который носит характер дифференциального, а также толковые словари (школьные и традиционного

быта калмыков и бурят), терминологические словари (терминов флоры и фауны, народного образования, языка и литературы, общественно-политических и медицинских терминов и т.д.), ортологические словари (орфографические), аспектные словари (словари синонимов), диалектные словари («Хамниганско-русский словарь»; сост. Д. Г. Дамдинов, Е. В. Сундуева, «Сравнительный словарь бурятских диалектов»; составитель Ц. Б. Будаев), частотные словари (частотный словарь по произведениям бурятского писателя Х. Намсараева), словари фольклорных текстов (словарь по калмыцкому эпосу «Джангар» Б. Х. Тодаевой), фразеологические словари («Краткий русско-бурятский фразеологический словарь»; сост. Ш.-Н. Р. Цыденжапов), электронные и он-лайн словари калмыцкого и бурятского языков (например, <http://www.webtran.ru/translate/mongolian/> – монгольско-русский он-лайн переводчик; <https://ru.glosbe.com/xal/ru/> – калмыцко-русский словарь; <http://uulen.ru/> – двунаправленный бурятско-русский и русско-бурятский словарь «Үүлэн» и многие другие). В корпусе словарей калмыцкого и бурятского языков немалое место занимают школьные словари.

2.3.1. Калмыцкая лексикография. Документально известная история калмыцкой лексикографии берет свое начало во второй половине XVIII в. с анонимного русско-калмыцкого словаря, в период XVIII – начала XX вв. были изданы Русско-калмыцкий словарь П. Смирнова, Калмыцко-русский словарь А. М. Позднеева, Калмыцко-немецкий словарь Г. Рамстедта и др. В советский и постсоветский периоды калмыцкая лексикография увеличила арсенал словарей. В эти годы увидели свет русско-калмыцкие словари: Русско-калмыцкий словарь Б. Б. Басангова (1940; ок. 25 000 слов), Русско-калмыцкий словарь И. К. Илишкина (школьный; 1958), Русско-калмыцкий словарь Б. Б. Басангова (2-е изд., 1963; ок. 25 000 слов), Краткий русско-калмыцкий словарь И. К. Илишкина (1969). В 1977 г. был издан «Калмыцко-русский словарь», составленный большим коллективом авторов (ответственный редактор Б. Д. Муниев; ок. 26 000 слов).

Также были изданы в 2002 г. «Толковый словарь калмыцкого языка» (Манджикова Б. Б.), «Словарь синонимов калмыцкого языка» (Монраев М. У.), которые обозначены как словари школьного формата. Большим вкладом в развитие калмыцкой лексикографии и калмыцкой культуры стал «Толковый словарь традиционного быта калмыков» Г. Ц. Пюрбеева (1996), где представлена лексика старого быта калмыков в 14 тематических группах. В 2001 г. был издан «Словарь ойратов Синьцзяна», составленный по версиям песен «Джангара» и полевым экспедиционным записям Б. Х. Тодаевой. Данный словарь содержит 10000 слов.

Задел, созданный калмыцкими лексикографами в предыдущие годы, надеемся, позволит достичь больших результатов в современных условиях, этому же способствует развитие IT-технологий, что предоставляет возможности для создания электронных и он-лайн словарей.

2.3.2. Бурятская лексикография. Бурятская лексикография берет свои истоки из общемонгольской. Первые словари, отразившие собственно бурятские слова, имели место уже в XVIII в. Лексика собственно бурятского языка, естественно, в довольно ограниченном объеме зафиксирована в отписках русских казаков, служилых людей, сообщениях ученых-путешественников. Так, в 1720-х гг. Д. Г. Мессершмидт в своих дневниковых записях зафиксировал речь качугских бурят-эхиритов, им записано 195 слов. Дневники Мессершмидта изданы в пяти томах АН ГДР совместно с Институтом истории, естествознания и техники СССР. «Латинско-татарско-аринско-котско-бурятский словарь» Г. Ф. Миллера содержит около 300 бурятских слов (II пол. XVIII в.). В сочинении М. Татаринова под названием «Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым» (1765) имеется русско-бурятский словарь. В 1769 г. Ренье составил немецко-бурятский словарь, содержащий 230 слов. Записи бурятской речи с приложением словарей производили также П. С. Паллас (1768; ок. 200 слов), И. Чемесов (1773) и др.

Первым известным словарем в полном смысле этого слова является «Русско-монголо-бурятский словарь» И. А. Подгорбунского (1909). После Октябрьской революции составлен и издан ряд словарей бурятского языка: «Русско-монгольский терминологический словарь» (1928; 2-е, испр. изд. – 1930), «Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе с краткими пояснениями» Б. Б. Барадина (1935), «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» А. Н. Боржоновой (1932), «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова (1941). Последний словарь открывает историю бурятской академической лексикографии.

В типологическом плане до сего времени преобладают переводные двуязычные словари, среди которых «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» А. Н. Боржоновой (1932), а в 1941 г. словарь с таким же названием, составленный Д. А. Абашеевым и К. М. Черемисовым. Последними по времени издания являются двухтомный «Бурятско-русский словарь» (2006, 2008; далее – БРС-06 и БРС-08) и однотомный «Русско-бурятский словарь» (2008; далее – РБС). Им предшествовали значительные и по объему, и по значению «Бурят-монгольско-русский словарь» (1951; далее – БМРС), «Бурятско-русский словарь» (1973; далее – БРС-73), «Русско-бурят-монгольский словарь» (1954; далее – РБМС).

«Краткий толковый словарь бурятского языка» (1992) стал первым опытом составления толкового словаря, далее был издан тематический толковый словарь традиционного быта бурят (2004). В арсенале бурятской лексикографии также имеется большой орфографический словарь, созданный после принятия изменений и дополнений в орфографии и пунктуации бурятского языка (1961). Имеется также опыт создания диалектологических словарей («Хамниганско-русский словарь»; сост. Д. Г. Дамдинов, Е. В. Сундуева, «Сравнительный словарь бурятских диалектов»; составитель Ц. Б. Будаев), частотного (частотный словарь по произведениям бурятского писателя Х. Намсараева и фразеологического словарей («Краткий русско-бурятский фразеологический словарь»; сост. Ш.-Н. Р. Цыденжапов).

В главе III «Мега- и макроструктура монголоязычно-русских словарей» рассматриваются мегаструктура и макроструктура монголоязычно-русских словарей, относящиеся к макроструктуре вопросы: словник, заголовочная единица, принципы нормативности и частотности, представление в словарях словарных и несловарных форм слова, морфем, диалектизмов, терминологической и ономастической лексики, конверсивов, полисемии и гомогенной омонимии.

3.1. Мегаструктура. В теоретической лексикографии традиционно выделяются макро- и микроструктура словаря. При этом в макроструктуру словаря вкладывается слишком много содержания: совокупность композиционных компонентов словарного издания и в то же время принципы расположения словарных статей, проблема отбора лексики и т.д. Для разрешения этих достаточно крупных лексикографических задач нами выделено понятие мегаструктуры, в которой рассматриваются композиционные элементы словаря в целом: вводная часть, корпус словаря (это область макроструктуры), заключительная часть, или различные приложения: грамматические справочники, списки географических имен, названия мер, весов, площадей и т.п. Заметим, что к выделению из традиционной макроструктуры отдельно мегаструктуры склоняются и авторы «Оксфордского учебника по практической лексикографии».

Предисловия словарей обычно бывают двух видов: 1) предисловия, содержащие историю создания, степень участия составителей (если составителей несколько), упоминание об изданных ранее словарях, сравнение их с настоящим словарем и т.п.; 2) предисловия, содержащие, помимо всего указанного выше, еще и некоторые теоретические положения в области лексикологии, стилистики, грамматики, орфографии, фонетики, орфоэпии. При втором виде предисловия в словарь обычно не включается грамматический справочник. В рассматриваемых нами монголоязычных

словарях предисловия в КРС и БАМРС построены по первому варианту, в БРС – по второму, где сведения из теории бурятского языка представлены в предисловии.

Мегаструктуры монголоязычно-русских словарей практически идентичны во вводной части и корпусе словаря, но имеют некоторые отличия в заключительной части. Новейший БРС не имеет приложений, например, списка географических наименований (первое издание этого словаря (1951) было снабжено грамматическим очерком и списком географических названий, которые в дальнейших изданиях были исключены). В заключительной части КРС приводится лишь список географических названий. БАМРС, в отличие от двух других словарей, располагает солидным приложением в конце: здесь представлены географические названия современной и старой Монголии, названия мер, весов, длин, площадей.

3.2. Макроструктура. Понятие макроструктуры. В макроструктуре, прежде всего, рассматриваются общие принципы структуры лексикографического произведения, словник, принципы организации словника, синонимические, антонимические, омонимические, паронимические, гиперо-гипонимические отношения словарных единиц, внешние связи семантических полей.

3.3. Словник. Проблемы формирования словника. Словник признается одним из основополагающих компонентов лексического словаря. Формирование словников на протяжении истории переводной лексикографии практически любого языка прошло три периода: 1) период глоссариев или вокабуляров, когда для перевода отбирались непонятные слова из определенного (чаще всего религиозного) текста на другом языке; 2) попытки максимально охватить лексический состав языка; 3) опора на толковые словари по данному языку, а также предшествующие переводные и иные словари. При постулировании различных принципов, критериев отбора лексики для словарей, по мнению ведущих лексикографов, наблюдается субъективизм (Берков, Юлдашев).

Словники проанализированных нами монголоязычно-русских словарей формировались без соблюдения каких-либо определенных правил: источниками для словника в этих словарях служили предыдущие словари, а также материал из художественной, научной, учебной литературы, периодики, устного народного творчества, живой разговорной речи и т.д. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что авторы-составители шли по наиболее простому пути: на первых этапах занимались сплошной выборкой (МРС, БРС, КРС), в последующем опирались на изданные ранее или остающиеся в рукописях словари (БАМРС).

3.4. Словарные и несловарные формы слов. Словарной формой называется одна из форм слова, традиционно избираемая в качестве представителя данной лексемы в словаре¹⁸, следовательно, остальные формы признаются несловарными. В монголоязычно-русских словарях в качестве словарных форм представлены формы: 1) им. п. ед. ч. у существительных; 2) причастие будущего времени у глаголов; 3) все формы личных и некоторых других местоимений; 4) исходные формы прилагательных, наречий и служебных частей речи. Тем не менее, в монголоязычно-русских словарях даются некоторые лексикализованные формы слов, например, *ханын* ‘стенной, настенный’ (род. п. от *хана* ‘стена’) и т.п.; формы множественного числа, например, *монголчууд* ‘монголы’; части сложных слов.

3.5. Словарное представление некоторых морфем. В агглютинирующих языках, к которым относятся монгольские языки, представляется вполне допустимым включение в качестве ЗЕ корневых морфем наряду с полными формами, например, *мор-* ‘лошадь’ при *морин*, такая подача корневых морфем практикуется в некоторых тюркских языках (напр., в киргизском). В исследуемых нами словарях в качестве ЗЕ представлены лишь эксклюзивные основы личных местоимений, употребляющихся только с послелогоми и аффиксами падежей: *ман* ‘мы’, *тан* ‘вы’, *шам* ‘ты’. При употреблении с послелогоми эти основы, в отличие от других корневых морфем, обретают некоторую самостоятельность.

Из-за многозначности или, наоборот, эксклюзивности многих суффиксов, также допустимо представлять в качестве ЗЕ наиболее продуктивные из них в электронных словарях, например, бурятский суффикс *-та* с тремя значениями: 1) имеющий или содержащий что-либо: *хахалта* ‘бородатый’, *шулуута* ‘каменистый’; 2) отличающийся или обладающий чем-либо: *гэрэлтэ* ‘лучезарный’, *жэшиээтэ* ‘образцовый’; 3) относящийся к чему-либо: *түүхэтэ* ‘исторический, относящийся к истории’. Кроме того, в качестве переводных эквивалентов можно было бы вводить и соответствующие суффиксы выходного языка, например, бур. *-са* соответствует русс. суфф. *-ость*: *хайласа* ‘плавкость’.

3.6. Нормативность и частотность. Принцип нормативности является основополагающим принципом при составлении словника любого словаря литературного языка. Поскольку двуязычный словарь, прежде всего, ориентирован на литературный язык, то в такой словарь не могут попасть всевозможные бранные слова, вульгаризмы и т.п. Тем не менее, некоторая часть подобной лексики может быть включена в словники общих

¹⁸ Ахманова О.С. О предмете и метаязыке учебной лексикографии / О.С. Ахманова, Л.В. Минаева // Словари и лингвострановедение: сб. ст. – М.: МГУ, 1982. – С. 420.

двуязычных словарей, но с соответствующими ограничительными пометами: *бран.* – бранное, *вульг.* – вульгарное, *устар.* – устарелое и т.п. Анализ монголоязычно-русских словарей, даже в первом приближении, показывает, что в их словники также вошли общеупотребительные бранные слова, вульгаризмы или таковые значения нейтральных слов литературного языка, например: *озогой бур.* ‘пенис (мужской половой орган)’, который употребляется в качестве ругательства: *озогой эди* ‘≈ фиг тебе’, букв. ‘скушай пенис’; *ноха* калм. ‘негодяй, презренный человек, сукин сын’; *монди* монг. ‘каналья’ и т.д.

Употребительность, или частотность, признается также одним из важных критериев при отборе слов в словник. Тем не менее, данный критерий не может служить главным, а если опираться на данные частотных словарей, оказывается малополезным, поскольку, во-первых, наиболее полные из имеющихся частотных словарей охватывают не более 10-13 тыс. слов, во-вторых, в числе малоупотребительных оказываются слова, без которых трудно представить любой словарь.

3.7. Диалектная лексика. Диалектизмы – слова территориальных вариантов языка – по требованиям нормативности не могут быть включены в двуязычный словарь, но материал монголоязычно-русских словарей показывает, что они находят свое место в их словниках. БАМРС определен как ориентированный исключительно на литературный язык, тем не менее, в нем зафиксированы несколько диалектизмов, обозначенных пометами *нутг.* – диалектизм и *орон нутг.* – областное слово: *басган* ‘девочка’, *гэнгий* ‘начиненная и сваренная кишка (еда)’. Судя по употреблению помет *нутг* и *орон нутг.* различия между ними нет никакой. В незначительно большем объеме (пропорционально к общему объему словника) диалектизмы включены в КРС. В этом словаре они обозначены пометами – сокращениями диалектов и говоров калмыцкого языка. Относительно небольшое количество диалектных слов в словнике калмыцко-русского словаря может объясняться и небольшим количеством говоров в этом языке: дербетский с тремя подговорами и торгутский – с двумя. В калмыцко-русском (1977) и монгольско-русском (2004) словарях диалектизмы представлены в самом незначительном количестве – около 1 % от всего словника.

Среди всех видов диалектизмов, правом быть включенными в словари более всего обладают словообразовательные, а также этнографические и собственно лексические диалектизмы, которые являются полными синонимами литературных слов, в т.ч. заимствований. Вместе с тем, все исследователи единодушны в том, что недопустимо включать в общие

двуязычные словари фонетические и некоторые словообразовательные диалектизмы.

3.8. Терминологическая лексика. Терминологическая лексика, вслед за А.А. Юлдашевым, нами разделена на специальную терминологию и народную терминологию, представляющую собой народные названия объектов окружающего мира (в основном, фитонимы и зоонимы). Народная терминология с образованием литературного языка и появлением учебной и научной литературы на нем практически полностью переходит в область специальной терминологии. Специальная терминология (научная, техническая) находит свое отражение в терминологических словарях, тем не менее, она как неотъемлемая часть лексического состава языка проникает и в общие двуязычные словари.

Для монголоязычной теоретической лексикографии большой интерес представляет специфика представления терминов в монголоязычно-русских словарях, нежели в русско-монголоязычных. По терминам, включенным в первые, можно получить представление о развитии терминологической системы в конкретном языке, долевых соотношениях исконных (заимствований раннего времени), калькированных и позднезаимствованных терминов.

Учитывая многолетнюю терминотворческую деятельность АН Монголии, целенаправленное развитие терминосистем по разным отраслям науки, техники, производства, социальной и политической жизни, нетрудно представить, что количество исконных терминов в БАМРС значительно превосходит заимствования: термины в словнике БАМРС занимают порядка 10 %. Довольно значительную долю в словнике термины занимают и в БРС-06-08, в то же время следует отметить, что в предыдущем издании их было гораздо меньше. Увеличение произошло за счет того, что в него были включены термины-заимствования новейшего времени, относящиеся к IT-технологиям, компьютерной технике, экономике, медицине, общественно-политической сфере.

3.9. Ономастическая лексика. В практике российской лексикографии, особенно в двуязычной, ономастическая лексика традиционно располагается в конце корпуса словаря в приложении в виде списка географических названий, а другие разряды онимов остаются за пределами внимания словаристов.

В монголоязычно-русской лексикографии лишь три словаря имеют списки географических названий – это «Калмыцко-русский словарь», «Русско-монгольский словарь» под редакцией Ш. Лувсанвандана и «Большой академический монгольско-русский словарь». «Краткий бурят-

монгольско-русский словарь», относящийся к более раннему периоду, также имел в своем составе переводной список географических названий, но при доработанном переиздании в 1973 г. список был удален. В двухтомном БРС (2006, 2008) при том, что в нем отсутствует какой-либо список имен, в достаточно большом количестве представлена онимическая лексика: исторические топонимы, этнонимы, теонимы, мифонимы и имена исторических личностей: *Чингис хаан, Доржи Банзаров, Базар Барадин, Бадан Туракин* и др.

В четвертый том БАМРС помещен большой список географических имен, распределенный по четырем рубрикам: I. Общие географические названия; II. Географические названия Монголии; III. Административные названия современной Монголии: А. Названия аймаков и сомонов; Б. Названия аймачных и сомонных центров и населенных пунктов; IV. Административные названия старой Монголии.

Монголоязычно-русская лексикография в основном пошла по двум путям в деле отражения в словарях ономастической лексики. Первый, наиболее распространенный: включение списка географических названий в качестве приложения к основному корпусу словаря. Второй путь, по которому пошли составители двухтомного «Бурятско-русского словаря», заключается во включении имен собственных непосредственно в корпус словаря с одновременным снабжением их краткими или относительно обширными энциклопедическими справками.

3.10. Сложные слова. В большинстве своем сложные слова в современных монгольских языках представляют собой композиты. Крайне мало исторически сложных слов, орфография которых устоялась давно, в период классического монгольского письма, например, монг. *өчигдөр foicokEdo** ‘вчера’. Полуслитное написание сложных слов все еще не стало распространенной практикой, в связи с чем сложные слова представлены в словарях в качестве заголовочных единиц в очень небольшом количестве. Преимущественно такие слова даются в словарной статье на первый или второй компонент, например, монг. *үхрийн нүд*, бур. *үхэр нюдэн*, калм. *үкр нүдн* ‘смородина черная’ приводятся в статьях на слова *үхрийн*, *үхэр* и *үкр*, соответственно. Многие народные терминологические сочетания являются сложными словами, как, например, композиты с этими же словами *үхрийн*, *үхэр* и *үкр* ‘бык’, а также другие фитонимы, зоонимы, названия предметов окружающего мира. Сложные слова, достигшие спаянности и оформляемые как одно слово, находят свое место в словнике в числе простых слов. Сложные слова, не ставшие единым фонетико-орфографическим комплексом, оказались внутри словарных статей и не учитывались при

подсчете общего объема словарных изданий. При лексикографировании подобных слов также требуется тщательный подход, например, бурятские сочетания *улаан тарьян* ‘пшеница’ (букв. красный хлеб, красное зерно) и *улаан булгайр* ‘красная юфта’ кажутся сходными свободными словосочетаниями, тогда как первое сочетание является композитой, а второе – свободным словосочетанием. Без четкого определения в грамматике понятия сложное слово, выработки критериев их выделения и принципов написания решение этой лексикографической проблемы представляется затруднительным.

3.11. Конверсия. Конверсивно образованными в монгольских языках считаются слова, перешедшие в другую часть речи без изменения, например, бур., монг. *модон*, калм. *модн* ‘дерево / деревянный’, бур., монг. *гар*, калм. *һар* ‘рука / ручной’ и др. Следует отметить, что в бурятской и монгольской грамматиках конверсия как способ неаффиксального словообразования практически не признается, а изменение категориальных значений определяется лишь как позиционные изменения в связи с выполнением словом той или иной синтаксической функции. В грамматике калмыцкого языка указывается, что при помощи конверсии как одного из способов словообразования образуются существительные, прилагательные и наречия. Здесь выделяются три уровня конверсии: полная, неполная и окказиональная. Кроме того, калмыковеды выделяют определенную группу синкретизированных прилагательных, которые могут употребляться и как прилагательные, и как существительные: *өндр* ‘высокий’ и ‘высота’, *бүдүүн* ‘толстый’ и ‘толщина’ и т.д. По концепции В.М. Надеяева, конверсия в монгольском языке представляет собой категориально-грамматическое переосмысление исходной лексико-грамматической основы (с заменой одного категориально-грамматического значения другим) без изменения звуковой оболочки исходной основы и без изменения вещественного значения корня в ней.

В БРС-06-08 слова в форме основы, перешедшие из одной части речи в другую, даются в одной словарной статье и, с точки зрения лексикографии, не представляют собой омонимы. В монгольско-русском словаре конверсия как таковая не упоминается, а случаи такого рода явления рассматриваются с точки зрения перевода заголовочных единиц на русский язык. Например, на странице XXIII читаем: «3.1.1. Часто монгольское слово соответствует словам нескольких частей речи в русском языке. В таком случае каждая из частей речи выделяется арабской цифрой, которая набирается полужирным шрифтом». При расположении по порядку монгольских переводов

учитывается грамматическая характеристика заглавного слова и русских переводов.

По поводу конверсивно образованных слов в «Калмыцко-русском словаре» (1977) принято решение двойного характера. В статье «О построении словаря» написано: «2. Различные части речи отделяются полужирными арабскими цифрами с точкой...»¹⁹. И в другом случае: «5. В пределах одного лексического значения переводы, передаваемые на русский язык различными грамматическими категориями (прилагательное – наречие, прилагательное – наречие – существительное), разделяются параллельными черточками (||), например: **чагчм** [чагчъм] крутизна, обрыв || крутой, отвесной || круто, отвесно». Как видно из приведенных выше выдержек из вводных статей трех словарей, только в бурятско-русском более или менее определенно говорится о приобретении словом категориальных признаков другой, отличной от исконной, части речи как о свершившемся факте или как о явлении языка. В монгольско-русском словаре субстантивация упоминается лишь в связи с причастиями. О деепричастии сказано, что они при переходе в другие части речи даются в словаре как заглавные слова, т.е. здесь так же, как и у причастий, признается переход в другую часть речи.

Проведенное исследование показывает, что конверсия получает в монголоязычно-русских словарях отражение в различном объеме. Наиболее последовательно лексико-морфологический способ словообразования показывается в бурятско-русском и монгольско-русском словарях. Кроме того, в БРС во вводной части дается теоретическое обоснование конверсии. В калмыцко-русском словаре встречается двойное понимание этого явления и двойкий способ его отражения в словаре.

Лексикографы-практики идут дальше, чем грамматисты в решении ряда сложных языковых проблем, в числе которых конверсия – одна из наименее разрешенных. Словарист-практик в процессе составления своего труда решает проблемы, о которых мы говорили выше. В таком случае лексикограф, образно говоря, «доходит» до каждого слова, определяя его частеречную принадлежность, что редко встречается при написании академических грамматик.

3.12. Полисемия и омонимия. Проблема полисемии и омонимии становится актуальной в применении к практической и теоретической лексикографии. Темой обширной дискуссии в ЛО ИЯ АН СССР стал вопрос о выделении омонимов, появляющихся вследствие распада значений многозначного слова. Одной из отправных точек этой дискуссии стала критическая статья В.И. Абаева «О подаче омонимов в словаре», которая

¹⁹ КРС, с. 11.

«обнаружила недостаток последовательности и ясности в разрешении вопроса об омонимии»²⁰. Сходясь во мнении о неизбежности исторических омонимов, участники совещания активно обсуждали проблему выделения гомогенных омонимов и степени их самостоятельности.

Несмотря на высказывавшиеся во время дискуссии различные достаточно аргументированные мнения, Л.Л. Кутина сделала в своем докладе неутешительный вывод, что общего универсального рецепта установления омонимов нет и быть не может. Тем не менее, она приводит положение о разграничении полисемии и омонимии, предложенное О.С. Ахмановой: «Основным моментом для разграничения омонимии и полисемии являются особенности соотношения с действительностью и особенности соотношения в системе данного языка»²¹.

В монголоязычно-русских словарях представлено достаточно омонимов как гетерогенных, так и гомогенных. Например, **уялга** I ‘вязание; привязь, завязка; связка, узел’ и **уялга** II ‘обязанность, долг; обязательство’. Эти два слова, по нашему мнению, являются гомогенными омонимами. Оба они произошли от глагола *уяха* ‘вязать, связывать; привязывать’ при помощи суффикса *-лга*. Действительно, в семантической основе **уялга** I и **уялга** II, возможно, лежал инвариант ‘что-либо связанное, привязанное’, но в процессе дальнейшей эволюции их значения разошлись. Помимо этого, различны их словообразовательные возможности: от *уялга* I невозможно образование глагола, как от *уялга* II – *уялгалха* ‘обязывать’, прилагательного при помощи суффикса *-та* – *уялгата* ‘обязательный’ и т.д. В монгольском языке *уялга* не дает омонима со значением ‘обязанность’, в данном значении употребляется слово *үүрэг* и *алба*, а в системе значений слова *уялга* нет значения ‘обязанность’. Следующий пример: **оог** ‘преемственный раб’ [БРС II, С. 34], ставший омонимом к бурятскому **оог** ‘крик, оклик’. В монгольском языке отсутствует *оог* в последнем значении, там есть лишь ‘преемственный раб’ [БАМРС II, С. 484]. Кроме того, имеется третий омоним со значениями 1) ‘могила, кладбище’ и 2) ‘залежь’, имеющий также старомонгольское происхождение.

В данной главе рассмотрены мега- и макроструктура монголоязычно-русских словарей. Под мегаструктурой понимается общее структурное строение словарного произведения. В зарубежной лингвистике словарь делится на три крупных блока – *front matter* ‘вводная часть’, *middle matter* ‘средняя часть’ (корпус словаря), *back matter* ‘заключительная часть’.

²⁰ Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 35.

²¹ Кутина Л. Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии / Л. Л. Кутина // Проблемы исторической лексикографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 51.

Макроструктура рассматривает общее строение корпуса словаря, его основной составляющей части и содержит анализ решения ряда лексикографических проблем, связанных с корпусом словаря. В макроструктуре также определяется расположение в словаре сложных составных слов, образованных лексико-синтаксическим способом, конверсивов, разграничение полисемии и гомогенной омонимии.

Глава IV. Микроструктура монголоязычно-русских словарей посвящена исследованию: собственно словарной статьи, фонетической и грамматической характеристик заголовочных единиц, лексикографических помет и отсылок, семантизации заголовочных единиц: филиации значений, безэквивалентной лексики, сочетаемости слов и словосочетаний, представления фразеологии и паремии.

4.1. Микроструктура и ее предмет. К микроструктуре относятся проблемы построения словарной статьи как отдельной разноплановой системы внутри сложной самостоятельной системы, какой является в общем и целом словарь. Сюда включаются вопросы формата, объема состава словарной статьи, презентации различного рода информации о языковой единице, описываемой в словаре (этимологической, энциклопедической, семантической, фонетической, грамматической, словообразовательной, стилистической, иллюстративной и др. информации).

В структуре словарной статьи монголоязычно-русских словарей представлены не все из перечисленных выше единиц, в частности в БРС и БАМРС отсутствует фонетическая характеристика, наличествующая в КРС: «Для удобства читателей в необходимых случаях после заглавных калмыцких слов в квадратных скобках дана их транскрипция с восстановлением неясных гласных: **мөсн** [мөсен], **негн** [нэген]»²². В то же время в БАМРС и БРС имеется энциклопедическая информация о заголовочной единице (заглавном слове), которой нет в КРС. При этом следует отметить, что БРС изобилует подробными энциклопедическими справками, особенно на входном языке.

4.2. Словарная статья – фундаментальный, или ядерный, элемент структуры словаря. Словарная статья – основной структурный элемент любого лексического словаря – представляет собой независимый отрезок текста. Словарная статья может быть сплошной или делиться на зоны основной и дополнительной информации. Структура статьи бинарна и состоит из заголовочной единицы и текста, семантизирующего заголовочную единицу.

²²

КРС, с. 12.

В качестве элементов словарной статьи инвариантного словаря В.В. Дубичинский выделяет: 1) заголовочную единицу; 2) ее фонетическую характеристику; 3) ее грамматическую характеристику; 4) семантизацию заголовочной единицы; 5) сочетаемость характеристику ЗЕ; 6) словообразовательные возможности ЗЕ; 7) этимологические справки; 8) иллюстративные примеры; 9) лексикографические пометы; 10) энциклопедическую информацию; 11) отсылки, примечания.

4.3. Заголовочная единица. В отечественной и зарубежной теоретической лексикографии предложено восемь наименований для одного явления, что надо признать избыточным. Все они, естественно, имеют право на жизнь, тем не менее, для удобства в своем исследовании мы придерживаемся термина *заголовочная единица* (ЗЕ) для обозначения вводящего слова, начинающего словарную статью, поскольку таковым может быть не только слово, но и префиксоид, радикалоид, словосочетание, фразеологическая единица и т.п. Отказ от употребления других терминов мотивирован разными причинами, такими как низкая частотность в научной литературе (черное слово, реестровое слово и т.д.), несоответствие требованию моносемантической (вокабула). Лемма – термин более употребительный в корпусной, компьютерной лексикографии.

4.3.1. Фонетическая характеристика заголовочных единиц. Заголовочные единицы бурятско-русских и монгольско-русских словарей никоим образом не характеризуются с фонетической стороны: нет фонетических транскрипций ЗЕ, нет и указаний на прочтение определенных букв и буквосочетаний.

Несколько иная ситуация в калмыцком языке, в котором написание далеко не всегда соответствует произношению – сильно редуцированные гласные в непервых слогах на письме не отражаются. В необходимых случаях после заглавных калмыцких слов в квадратных скобках дана транскрипция с восстановлением неясных гласных. В транскрипции неясный гласный твердого ряда передается буквой *ь*, а мягкого ряда – буквой *е*. Гласный звук *е* в первых слогах калмыцких слов одинаков с русским гласным *э*. Поэтому в первых слогах *е* передается буквой *э*, а в последующих слогах мягкорядных калмыцких слов *е* будет обозначать редуцированный гласный. Редуцированные гласные потеряли свои, присущие им, отличительные признаки, как артикуляционные, так и акустические. Изолированно их нельзя произнести, и вне сочетания с предшествующим согласным они фонематической роли не могут играть, поэтому их нельзя теперь рассматривать как комбинаторные варианты каких-либо определенных фонем. Они могут рассматриваться лишь как неопределенный

отенок кратких гласных вообще, безотносительно к тому или иному краткому гласному..

Ощутимые расхождения между написанием и произношением калмыцких слов обусловили включение в микроструктуру словаря фонетической транскрипции ЗЕ, где это диктовалось необходимостью фонетически правильно прочитать слово.

4.2.2. Грамматическая характеристика заголовочных единиц. Под грамматической характеристикой ЗЕ в словаре понимается краткая информация об основных морфологических свойствах слова (парадигматическая характеристика) и информация о свойствах ЗЕ сочетаться с другими словами (синтагматическая характеристика). Парадигматическая характеристика ЗЕ эксплицитно представляется в форме сокращенных условных обозначений – помет (указание на часть речи, род, типы склонения и спряжения). Кроме того, указание на особенности склонения имен существительных может выражаться в приведении показательной словоформы, которая позволяет при необходимости восстановить всю словоизменительную парадигму. Систему грамматической характеристики значительно дополняют различного рода грамматические справочники, как правило, помещаемые в конце словаря.

«Бурят-монгольско-русский словарь» (БМРС; 1951) содержит краткий грамматический справочник, в котором представлены разделы: «Об алфавите и фонетике», «О частях речи», «Краткие сведения из синтаксиса» и «Словообразование». Практически весь материал справочника представлен в табличной форме и качественно информативен, но при слабой связи с корпусом словаря носит пассивно-информативный характер. Отсылки к справочнику в самом корпусе в словарных статьях сделали бы его активно-информативным, хотя на этот счет могут быть и иные мнения.

БРС-73 и БРС-06-08 не имеют грамматического справочника, и в плане грамматической характеристики ЗЕ в формате словарной статьи в них наблюдаются изменения в сторону уменьшения некоторых показателей, в сравнении с БМРС. Вместе с тем, включены новые и устранены неоправданные и излишние, например, в БРС-73 и БРС-06-08 не отражены суффиксы родительного падежа в словах типа: *бланк, бисквит* и т.д. Этот шаг, по нашему мнению, оправдан, поскольку устраняет разнобой в подаче ЗЕ – имен существительных. В БРС-06-08 ЗЕ, если она участвует в образовании сложных слов, имеет соответствующую ремарку в скобках: *энэ үгын хабаадалгатайгаар бүридэмэл юумэнэй нэрэнүүд биш болодог* ‘с участием этого слова образуются сложные имена существительные’ и т.п.

В издании БРС 2006, 2008 гг. появилась новая грамматическая помета

суц. / прил. / нар. сост. с символом «параллельки» (||) перед ними. Эти пометы предваряют в составе словарной статьи сублеммы, представляющие собой сложные слова, например: || *суц. сост. хүхэ гүзээн закам.* помесь ортома и местной породы... [БРС I, с. 230] в статье на *гүзээн*.

В БАМРС грамматические пометы подаются на монгольском языке и представляют собой сокращения от названий частей речи: *жинх.* – *жинхэнэ нэр үг* ‘существительное’, глагольных форм: *үйлдүүл.* – *үйл үгийн үйлдүүлэх хэв* ‘побудительный залог глагола’, названия падежей: *нэрлэх* – *нэрлэх тийн ялгал* ‘именительный падеж’ и т.д. Отметим, что грамматические пометы в данном словаре употребляются довольно редко. В БАМРС отсутствует грамматический справочник, который мог бы оказать существенную помощь тем, кто использует словарь при изучении монгольского языка.

4.2.3. Лексикографические пометы и отсылки. Помета – одно из вспомогательных средств в лексикографии, позволяющее в сравнительно небольшом объеме представить возможно больший объем полезной информации о заголовочной единице.

В новейших монголоязычно-русских словарях в рубрике «Список условных сокращений» приводится весь инвентарь принятых в том или ином словаре помет, правда, без классификационного деления на грамматические, стилистические пометы и т.п. При подробном анализе этих помет выясняется, что их большую часть составляют функционально-стилевые и грамматические, причем с небольшим преобладанием первых. Например, в БРС в списке указаны 63 функционально-стилевые пометы и 71 грамматическая помета из 232, т.е. 27 % и 30 % соответственно. На оставшиеся 43 % приходятся пометы из других групп и единичные сокращения общего плана, типа: *г.* – год, город, гора; *напр.* – например и т.д. Подобное соотношение повторяется и в БАМРС и в КРС.

В монголоязычно-русских словарях употребителен практически тот же инвентарь помет, что и в отечественной русской лексикографии. Это неудивительно, так как калмыцкая и бурятская лексикографии возникли и развивались исключительно в русле русской лексикографии, а современная монгольско-русская и русско-монгольская лексикография использовала как образец бурятско-русскую и русско-бурятскую лексикографию.

В качестве исключительной черты мы выделяем лингвистические пометы, которые, в первую очередь, указывают на язык – источник заимствования того или иного слова (*ма.* – манж. – маньчжурский, *тө.* – төвд – тибетский, *са.* – самгарди – санскритский и т.д.; *монг.* – монгольский язык, *тиб.* – тибетский язык, *санскр.* – санскритский язык).

4.4. Семантизация. 4.4.1. Филиация значений заголовочных единиц. Филиация, или выделение значений многозначного слова (при двух и более значениях) входного языка, в двуязычных словарях опирается на выделение значений в толковом словаре, но научно обоснованных методов членения значений слова не существует ни в практике, ни в теории лексикографии, и это общепризнанный факт. В этом случае единственной авторитетной опорой становится именно толковый словарь. Но и здесь нельзя сказать, что толковый словарь – «истина в последней инстанции».

В практике двуязычной лексикографии в выделении значений слова в переводном словаре наметились два взаимно противоположных принципа, которые в той или иной степени применялись при составлении двуязычных словарей. Первый принцип основывается на том, что слово (многозначное) должно делиться в соответствии со своей смысловой структурой, вне зависимости от того, каким количеством переводящих эквивалентов его значения транслируются на выходном языке. Таким образом, при применении данного принципа филиация значений входного языка ни в коей мере не зависит от лексических возможностей выходного. В таком случае выделение значений одного и того же слова в любом словаре (переводном, толковом) входного языка должны совпадать полностью, хотя это, безусловно, возможно лишь в идеале. В основе второго принципа лежит положение о том, что деление значений слова входного языка должно быть регламентировано количеством переводящих эквивалентов. В монголоязычно-русских словарях, как в ранних, так и в последних, избран первый принцип в выделении значений многозначного слова. Слово входного – монгольского, бурятского или калмыцкого – языка делится на значения в соответствии с собственной семантической структурой.

4.4.2. Безэквивалентная лексика. Многообразие народов, особенности их быта, традиций, верований, истории, национальной культуры естественным образом предполагают наличие некоторого количества реалий и слов, их обозначающих, которые не имеют соответствий в другом, неродственном, языке, а иногда даже в разных говорах одного языка.

В идеальном двуязычном словаре все слова или словосочетания входного языка должны иметь эквиваленты, т.е. переводиться без потери информации и с максимальной точностью. В этом случае часто применяется толкование или описание, что, естественно, противоречит самой сути переводной лексикографии, поскольку она должна именно переводить, а не описывать внешне и / или функционально реалию (в широком смысле этого понятия), обозначаемую лексемой.

Наиболее ярко выражена культурно-коннотированная лексика в

двуязычных словарях, что обусловлено соотношением языков, культур (как духовной, так и материальной) разных народов. Но, как правило, доля такой лексики в словарях очень мала и колеблется на уровне 2 %. Например, в двухтомном «Бурятско-русском словаре» (2006, 2008) доля этой лексики составляет чуть больше средних 2 %.

В монголоязычно-русских словарях преобладает апеллятивная безэквивалентная лексика (БЭЛ), а имена собственные, как правило, ограничиваются именами божеств буддийского, шаманского пантеона, мифонимами, космонимами и, в незначительной степени, именами реальных исторических личностей. Причем наблюдаются значительные различия в составе проприальной БЭЛ в этих словарях. В БАМРС и КРС включены преимущественно теонимы, мифонимы и этнонимы, а в БРС наряду с другими именами собственными представлены имена реальных исторических личностей прошлого – *Бальжан-хатан*, названия географических областей – *Наян Наваа* и т.д.

Опираясь на материал нашего исследования, мы можем предложить следующую классификацию способов представления БЭЛ: *толкование; описание; энциклопедическая информация при слове или отдельном значении; присловный комментарий.*

Комментарий имеет различные по содержанию и функциям разновидности: *фактический; культурологический; лингвистический.* Выделяется также *ситуативный комментарий*, который представляет информацию об употреблении ЗЕ в той или иной речевой ситуации, в тех или иных условиях, например, *о человеке.*

Безэквивалентная лексика в монголоязычно-русских словарях передается преимущественно алиенизмами-кальками, толковательными переводами. Кроме того, эквиваленты снабжаются пояснениями (в меньшей степени) и энциклопедической информацией (в большей). Толковательные переводы большее распространение получили в БРС и КРС. Энциклопедическая информация в БРС отличается большим объемом по сравнению с другими словарями, причем она часто представляется как на входном, так и выходном языке. В КРС же энциклопедическая информация и пояснения нередко приводятся на калмыцком языке после толковательного перевода или эквивалента ЗЕ. В этих словарях разного рода комментарии практически не употребляются, при этом энциклопедическая информация часто играет роль и культурологического или иного комментария.

4.4.3. Сочетаемость слова и словосочетания. Сочетаемость слов – это способность слов соединяться друг с другом в речи, которая определяется его собственно лексическим значением или значениями (лексическая

сочетаемость), способностью вступать в грамматические связи с другими словами, классами слов (грамматическая сочетаемость). Одной из характеристик слова, которая подлежит описанию в лексическом словаре и выводит объект словаря за пределы собственно лексикологии, является способность сочетаться с другими словами и формами, в соответствии с нормами, которые существуют в данном языке.

Лексическая и синтаксическая сочетаемость в словаре часто участвуют в дифференциации или филиации значений многозначного слова и эксплицируются при помощи введения в словарную статью словосочетаний с ЗЕ, словосочетания также передают способность ЗЕ сочетаться с определенными грамматическими формами других слов. Кроме того, грамматическая сочетаемость ЗЕ выражается при помощи пояснений, подаваемых перед переводом значения, напр.: *в сочет. с доп., вин. п. с безл. притяж.*

В монголоязычно-русских словарях слова с минимальной или уникальной сочетаемостью подаются единообразно, часто такие сочетания относятся к специальной терминологии или народной терминологической лексике: **АГЛАГЧ: аглагч гургуул шувуу. фазан сибирский (или белый) с черными крапинками...** (БАМРС).

Условно все словосочетания, приводимые в переводных словарях, можно разделить на две категории: 1) словосочетания, участвующие в раскрытии основных значений слова и их оттенков (они также показывают лексическую сочетаемость слова) и 2) словосочетания, показывающие грамматические сочетательные способности слова. Обе категории при этом представляют собой один из видов лексикографической иллюстрации.

Монголоязычно-русские словари приблизительно одинаково представляют сочетаемость слов в своих словарных статьях. Представленные в них сочетания выполняют все виды названных выше функций – дополнительной семантизации значений слов и их оттенков, экспликации лексической и синтаксической сочетаемости слов, а также функцию лексикографической иллюстрации. Вместе с тем, следует отметить, что словосочетания не группируются по выполняемым функциям и не выделяются в структуре словарной статьи в специальные зоны – зоны экспликации лексической сочетаемости, грамматической сочетаемости и т.п.

4.4.4. Фразеология и поговорки. Исследованию фразеологизмов монгольских языков посвящено сравнительно небольшое число трудов. Наиболее крупные из них – это монографии Ц. Б. Будаева (Улан-Удэ, 1970), Г. Ц. Пюрбеева (Москва, 1972), Т. Б. Тагаровой (Иркутск, 2002, 2008), ряд статей в научных сборниках. Тем не менее, фразеологический фонд

основных монгольских языков представлен в разного рода фразеологических словарях. Это, прежде всего, словари Ч. Лувсанжава (Улан-Батор, 1982), Г. Ц. Пюрбеева (Элиста, 1971), Ш.-Н. Р. Цыденжапова (Улан-Удэ, 1972), Г. Акима (Улан-Батор, 1982), Т. Б. Тагаровой (Иркутск, 2006).

Одной из сложных проблем, которая вызывает споры в монголистике, равно как и в других языках, является определение объема и границ фразеологии. В монголистике приняты две диаметрально противоположные точки зрения на эту проблему, условно называемые «узкая» и «широкая» трактовки. Сторонники второй (Ц. Б. Будаев, Ш.-Н. Р. Цыденжапов, Д. Д. Санжина, Т. Б. Тагарова и др.) в состав фразеологии включают, кроме фразеологических единиц, паремиологические единицы, крылатые выражения, афоризмы, терминологические сочетания и т.д.

Значительное расширение границ фразеологии за счет включения в нее терминологических словосочетаний на основании общности признака воспроизводимости в речи, синтаксической неразложимости, образности значения, на наш взгляд, совершенно неоправданно. Вовлечение составных терминов в орбиту фразеологии вырывает их из свойственной им терминологической системы языка, при этом терминология оказывается разделенной.

Для разрешения проблемы применяются следующие способы:

1. размещение фразеологизма в составе словарной статьи на один из его компонентов по: а) первому компоненту; б) опорному, стержневому компоненту;
2. представление фразеологизма в самостоятельной словарной статье согласно алфавиту по первому компоненту.

Второй способ не получил распространения в советской, российской лексикографии, как, например, это произошло в американской лексикографии.

В будущих национально-русских словарях монгольских языков возможно представление двухкомпонентных фразеологизмов в словарных статьях на оба компонента с отсылкой в одной из статей на другую или в каждой статье в полном объеме. Размещение многокомпонентных фразеологических оборотов – задача более трудная, и решение ее в каждом конкретном случае может быть уникальным.

Пословицы и поговорки в лексикографической традиции относятся к иллюстративному материалу и определенно повышают ценность словарного издания. Уже принято за правило размещать их за значением, с которым они связаны, или в самом конце перед фразеологической рубрикой, если пословицы и поговорки относятся ко всем значениям многозначного слова.

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования. Основные результаты работы состоят в следующем:

1. Отечественная и мировая лексикография к настоящему времени накопили значительный опыт. Создан внушительный арсенал словарей разных типов, видов, различной адресной направленности. В области теории разработаны не только общие вопросы, но и целый ряд частных аспектов лексикографии. В области национально-русской переводной лексикографии следует, прежде всего, отметить А. А. Юлдашева, вслед за его работой появилось десятки исследований, посвященных лексикографии народов России (Советского Союза) и СНГ.

2. Один из ключевых вопросов теории лексикографии касается типологии словарей. Каждый исследователь предлагает свою типологию. При этом типологии строятся на разных основаниях, типологических характеристиках словарей. По нашему мнению, более всего отвечает принципу универсальности и открытости архитектуры типология, предложенная А. М. Цывиным. Заслуживает внимания попытка типологического описания словарей посредством буквенно-цифровых формул, представленная в «Оксфордском учебнике по практической лексикографии».

3. Монголоязычная лексикография, по данным монгольских лингвистов, берет свое начало в IV в. н.э., согласно трудам китайских монголоведов – в XIII в. н.э. По хронологии китайской энциклопедии монголоведения, на данный момент монгольская лексикография находится в четвертом историко-хронологическом периоде своего развития (II пол. XX в. – настоящее время). Становление калмыцкой и бурятской практической лексикографии относится к XVIII в. Появление в последнее время большого количества словарей на электронных носителях и он-лайн словарей в информационно-коммуникационной сети «Интернет» позволяет предполагать о начале пятого, технологически нового периода в монголоязычной лексикографии.

4. Мегаструктура монголоязычно-русских словарей состоит из таких частей, как «Предисловие», «Введение», статьи «О пользовании словарем», «Список условных сокращений», «Перечень использованной лексикографической и иной литературы», непосредственно корпус словаря, грамматический очерк, списки географических наименований. Все составные части словаря, кроме корпуса, представляют собой научно-сопроводительный аппарат. В зарубежной лингвистике словарь делится на три крупных блока – *front matter* ‘вводная часть’, *middle matter* ‘средняя часть’ (корпус словаря), *back matter* ‘заключительная часть’, которые можно

объединить под названием «мегаструктура».

5. Макроструктура рассматривает общее строение корпуса словаря, его основной составляющей части, и решает ряд лексикографических проблем, связанных с корпусом: принципы формирования словника, вопросы о размещении в словаре словарных и несловарных форм слова, диалектизмов, терминологической и ономастической лексики, соблюдения принципа нормативности и учета частотной характеристики слова – заголовочной единицы.

6. В результате исследования макроструктуры монголоязычно-русских словарей выявлено, что в монголоязычно-русских словарях в целом соблюдается принцип нормативности при формировании их словников, в то же время, следует отметить, что широта охвата лексики часто обуславливается объемом словарного издания и, в некоторой степени, различными общественно-политическими причинами (например, отражение господствующей идеологии в словарях советского периода). В то же время один из важных принципов – принцип частотности – не применяется, но за этим будущее, связанное с компьютерной лексикографией.

7. Под микроструктурой словаря понимается структура словарной статьи как минимального элемента в архитектуре словаря. В монголоязычно-русских словарях фонетическая и грамматическая характеристики представлены неравномерно: в БАМРС и БРС отсутствует фонетическая характеристика, что обусловлено орфографическим произношением слов в монгольском и бурятском языках (особенно в бурятском языке). В КРС фонетическая транскрипция применяется к большей части ЗЕ, поскольку в калмыцком языке на письме не отражаются сильноредуцированные гласные, а также имеются некоторые менее значительные особенности в орфографии.

8. Применение лексикографических помет в данных словарях в целом сходно. В БАМСР, в отличие от двух других словарей, пометы даны на входном – монгольском языке. Обеспеченность необходимыми пометами в этих словарях представляется достаточной.

9. Филиация значений многозначного слова в монголоязычно-русских словарях осуществлена по единому принципу: деление значения слова в соответствии с его внутренней семантической структурой. Тем не менее, в этих словарях наблюдаются различия, как в структуре, так и в номенклатуре значений идентичных слов. Значительную часть безэквивалентной лексики составляет культурно-коннотированная лексика: апеллятивная и проприальная. Последний вид культурно-коннотированной лексики не встречается в КРС, тогда как в БАМРС и БРС активно привлекается в качестве ЗЕ. Апеллятивная БЭЛ представлена

преимущественно названиями реалий традиционной материальной и духовной культуры.

11. Грамматическая и лексическая сочетаемости ЗЕ в словаре проявляются в зоне лексикографических примеров – свободных словосочетаний. Грамматическая сочетаемость также выражается при помощи пояснений в сокращенной записи типа: *в сочет. с доп. и вин. п.* и т.п. Словосочетания, опосредованно участвующие в раскрытии семантической валентности ЗЕ, в монголоязычно-русской лексикографии преобладают над словосочетаниями, иллюстрирующими грамматическую сочетаемость. Употребление ЗЕ в устойчивых сочетаниях демонстрируется во фразеологии и паремии, относящихся к зоне лексикографических иллюстраций.

12. В перспективе предполагаем более широкое исследование монголоязычной лексикографии: не только переводной, но и других типов и видов словарных произведений, что, безусловно, придаст определенный импульс развитию монголоведения в целом, в том числе и лексикографии, как теоретической, так и практической.

Основные публикации по теме диссертации

Монографии

1. Цыренов Б. Д. Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация) [Текст] / Б. Д. Цыренов. – Улан-Удэ : ГБУ РЦ «Бэлиг», 2013. – 208 с. (12,09 п.л.)

Словари

2. Цыренов Б. Д. Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных [Текст] / Б. Д. Цыренов, Л. Э. Рупышева. – Улан-Удэ, 2005. – 52 с. (3,02 п.л.)

3. Цыренов Б. Д. Указатель бурятских слов и выражений (словарь) к Собранию сочинений М. Н. Хангалова в 3 т. [Текст] / Б. Д. Цыренов // М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ, 2004. Т. 1. – С. 448–481. Т. 2. – С. 283–298. Т. 3. – С. 288–298. (словарь; 4 п.л.)

Статьи в журналах из перечня ВАК

4. Цыренов Б. Д. К истории монгольской лексикографии (истоки бурятской лексикографии) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. – 2011. – № 8. – С. 114–118 (0,4 п.л.).

5. Цыренов Б. Д. Культурно-коннотированная лексика в бурятско-русском словаре [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 21–25 (0,4 п.л.).

6. Цыренов Б. Д. О лексикографической терминологии (на материале русско-бурятского словаря) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 180–183 (0,4 п.л.).
7. Цыренов Б. Д. Ономастическая лексика в национально-русских словарях монгольских языков [Текст] / Б. Д. Цыренов // Гуманитарный вектор. 2012. – № 3 – с. 143–148 (0,5 п.л.).
8. Цыренов Б. Д. Ономастическая лексика как отражение культуры [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №4(21). – С. 133–139 (0,4 п.л.).
9. Цыренов Б. Д. О практической и теоретической лексикографии бурятского языка (к истории вопроса) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник КИГИ РАН. – 2012. – № 1. – С. 45–48 (0,4 п.л.).
10. Цыренов Б. Д. Диалектизмы в переводных словарях монгольских языков [Текст] / Б. Д. Цыренов // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 124–131 (0,6 п.л.).
11. Цыренов Б. Д. Об исследованиях монголоязычных словарей в Китае [Текст] / Б. Д. Цыренов, М. Б.-О. Хайдапова // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. – 2013. – №. 8. – С. 52–56 (0,4 п.л.).
12. Цыренов Б. Д. Грамматическая характеристика субстантивных многосложных флоронимов в бурятском языке [Текст] / Л. Э. Рупышева, Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Романо-германская филология. – 2013. – Вып. 11. – С. 44–48 (0,4 п.л.).
13. Цыренов Б. Д. Полисемия и омонимия в Бурятско-русском словаре [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вопросы филологии. – 2014. – № 3. – С. 87–95 (0,5 п.л.).
14. Цыренов Б. Д. Терминологическая лексика в монголоязычно-русских словарях [Текст] / Б. Д. Цыренов // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 211–217 (0,6 п.л.).
15. Цыренов Б. Д. Лексикографические пометы в монголоязычно-русских словарях [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 71–74 (0,4 п.л.).
16. Цыренов Б. Д. Презентация фразеологии в монголоязычно-русских словарях [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10. – С. 73–76 (0,4 п.л.).
17. Цыренов Б. Д. Китаизмы в Бурятско-русском словаре [Текст] / Б. Д. Цыренов, М. Б.-О. Хайдапова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8. – С. 78–81 (0,4 п.л.).

18.Цыренов Б. Д. Безэквивалентность входных и выходных слов в переводных словарях (на материале русско-бурятских и русско-монгольских словарей) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8. – С. 153–158 (0,4 п.л.).

Статьи и тезисы в журналах, научных сборниках

19.Цыренов Б. Д. О новом подходе в преподавании бурятского языка (об учебном словаре) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Проблемы бурятской филологии на современном этапе. – Улан-Удэ, 1998. – С. 91–93 (0,4 п.л.).

20.Цыренов Б. Д. Диалектная и заимствованная лексика в языке бурятских народных сказок [Текст] / Б.Д. Цыренов // «Санжеевские чтения-4»: материалы Всероссийской науч. конф.. – Улан-Удэ, 1999. – С. 72–77 (0,4 п.л.).

21.Цыренов Б. Д. Онимическая лексика в языке бурятских народных сказок [Текст] / Б. Д. Цыренов // Проблемы ономастики, диалектологии, фольклора и литературы: тезисы и доклады региональной науч.-практ. конф., посв. 80-летию со дня рожд. А. Г. Митрошкиной. – Иркутск, 2001. – С. 75–78 (0,4 п.л.).

22.Цыренов Б. Д. Проблемы составления учебных словарей бурятского языка [Текст] / Б. Д. Цыренов // Проблемы обучения бурятскому языку как государственному. – Улан-Удэ, 2001. – С. 14–15 (0,4 п.л.).

23.Цыренов Б. Д. Лингвистические основы обучения бурятскому языку как государственному (к вопросу об учебной лексикографии) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Языковая политика и современные технологии обучения: материалы междунар. научно-практ. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 19–20 (0,3 п.л.).

24.Цыренов Б. Д. Семантико-стилистические средства бурятских народных сказок [Текст] / Б. Д. Цыренов // Материалы конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. В. И. Цинциус. – СПб.: Наука, 2003. – С. 238–243 (0,4 п.л.).

25.Цыренов Б. Д. Бурятский язык в условиях глобализации [Текст] / Б. Д. Цыренов // Бурятский язык и культура в условиях глобализации. – Улан-Удэ, 2005. – С. 12–17 (0,4 п.л.).

26.Цыренов Б. Д. Лексикография как способ фиксации и сохранения культурного наследия народа [Текст] / Б. Д. Цыренов // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 188–196 (0,6 п.л.).

27.Цыренов Б. Д. Структура и содержание бурятско-русских словарей [Текст] / Б. Д. Цыренов // Языки и письменные источники монгольских

народов: материалы Междунар. науч. конф.: г. Улан-Удэ, 14–18 июля 2010 г. – Улан-Удэ, 2010. – С. 25–29 (0,4 п.л.)

28. Цыренов Б. Д. Отражение эпохи в бурятских двуязычных словарях (на примере некоторых терминов) [Текст] / Б. Д. Цыренов // Филология – XXI: материалы междунар. науч. конф. – Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2010. – Ч. 2. – С. 33–38 (0,4 п.л.).

29. Цыренов Б. Д. Проблемы составления диалектологического словаря бурятского языка [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – 1 (5). – С. 176–182 (0,4 п.л.).

30. Цыренов Б. Д. Об ортологических словарях бурятского языка [Текст] / Б. Д. Цыренов // Филология–XXI: материалы II междунар. науч. конф. – Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2011. – С. 65–70 (0,4 п.л.).

31. Цыренов Б. Д. Принципы нормативности и частотности в монголоязычно-русских словарях [Текст] / Б. Д. Цыренов // Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования: материалы междунар. научно-практ. конф., г. Улан-Удэ, 23 ноября 2012 г. – Улан-Удэ, 2012. – С. 65–68 (0,4 п.л.).

32. Цыренов Б. Д. Словарь как перекресток культур: сочетаемость слов и словосочетания [Текст] / Б. Д. Цыренов // Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн эмхэтгэл. ШУТИС. – Улаанбаатар, 2012. – С. 238–244 (0,4 п.л.).

33. Цыренов Б. Д. Бурятская лексикография [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – №1 (13). – С. 213–218 (0,4 п.л.).

34. Цыренов Б. Д. Mongolian-Russian Dictionaries in XIX century [Текст] / Б. Д. Цыренов // Summaries of XIth International Congress of Mongolists. – Ulaanbaatar, 2016. – p. 68–70 (0,3 п.л.).

35. Цыренов Б. Д. Новый диалектологический словарь в бурятском языкознании. Рецензия на книгу «Хамниганско-русский словарь» / авт.-сост. Д. Г. Дамдинов, Е. В. Сундуева. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 364 с. [Текст] / Б. Д. Цыренов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2016 – № 1(21). – С. 170-172 (0,3 п.л.).

36. Цыренов Б. Д. Словарные и несловарные формы слова [Текст] / Б. Д. Цыренов // Б.Ринчен – 110 жилийн ой: сб. тр. Междунар. научн. конф. – Улан-Батор, 2016. – С. 196-202 (0,4 п.л.).

Публикации на иностранных языках

37. Цыренов Б. Д. Монгол туургатны тууль ба толь бичиг [Текст] / Б. Д. Цыренов // Тезисы «Эпосы Центральной Азии-II» (5–7 августа 2013 г.,

Улан-Батор) – Төв Азийн тууль. Симпозиум, Наадам-II. – Улан-Батор, 2013. – С. 148–151 (0,4 п.л.).

38. Tsyrenov B. D. Mongolian-Russian Dictionaries in XIX century / [Text] B. D. Tsyrenov // Summaries of XIth International Congress of Mongolists. – Ulaanbaatar, 2016. – p. 68–70 (0,2 п.л.).

39. Tsyrenov B. D. Words of Turkic origin in the modern Buryat language / [Text] B. D. Tsyrenov // Turkbilig. – 2016/32. – pp. 57–62 (0,4 п.л.).

40. Tsyrenov B. D. Mongolian-Russian Dictionaries in XIX century. / [Text] B. D. Tsyrenov // Summaries of XIth International Congress of Mongolists. – Ulaanbaatar, 2016. – p. 68–70 (0,3 п.л.).

Редактирование

1. Бабуев С. Д. Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи (Толковый словарь традиционного быта бурят) [Текст] / С. Д. Бабуев, Ц. Ц. Бальжинимаева. – Улаан-Үдэ: «Бэлиг» хэблэл, 2004. – 358 х. (ответственный редактор).

2. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н [Текст] / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – 636 с. (член научной редакторской группы).

3. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я [Текст] / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с. (научный редактор).

4. Шагдаров Л. Д. Русско-бурятский словарь (Ород-буряад толи): более 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. – Улан-Удэ: «Буряад Үнэн», 2008. – 904 с. (член научной редакторской группы).